

6. Орипов А. Йиллар армони. Шеърлар. – Т.: «Ғафур Ғулом», 1982.
7. Парфи Р. Туркистон руҳи. Сайланма. – Т.: «Шарк», 2013.
8. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: «Высшая школа», 1990.
9. Словарь лингвистических терминов (<https://literaturologiya.academic.ru/510/%>)
10. Куронов Д., Мамажонов З., Шералиева М. Адабиётшунослик луғати. –Т.: «Akademnashr», 2013.
11. <https://xn--870-iddfg5dar7d.xn--p1ai/faq/cto-takoe-poeticeskaya-rec-kratko>

REZYUME. Maqolada she'riyatda dialog va uning badiiy funksiyasi, badiiy nutqning she'r poetik strukturasiga ta'siri muammosi tadqiq etiladi. Shuningdek, she'riy nutqning jahon adabiyotshunosligida o'rganilishi hamda o'ziga xosligi, lirikada badiiy kommunikatsiya masalalari nazariy tahlil qilinadi.

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается диалог в поэзии и его художественная функция, проблема влияния художественной речи на поэтическую структуру стихотворения. Также теоретически анализируются изучение и своеобразие поэтической речи в мировом литературоведении, вопросы художественной коммуникации в лирике.

SUMMARY. The article examines dialogue in poetry and its artistic function, the problem of the influence of artistic speech on the poetic structure of a poem. The study and originality of poetic speech in world literary criticism, issues of artistic communication in lyrics are also theoretically analyzed.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В НОВЕЛЛЕ ЮРИЯ НАГИБИНА «ОТ ПИСЬМА ДО ПИСЬМА»

М.У.Рахманова – *старший преподаватель*

Н.В.Воронцова – *старший преподаватель*

Академия Вооружённых сил Республики Узбекистан

Таянч сўзлар: хронотоп, бадий вақт, бадий макон, дунёнинг фазо-замон тасвири, хронотопик.

Ключевые слова: хронотоп, художественное время, художественное пространство, пространственно-временная картина мира, хронотопика.

Key words: chronotope, artistic time, artistic space, spatio-temporal worldview, chronotopy.

Художественное время и художественное пространство – важнейшие характеристики художественного образа. Литературно-поэтический образ, развёртываясь во времени (как последовательность текста), своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира, притом в её символическо-идеологическом аспекте.

М.М.Бахтиным был введён термин «хронотоп», понимаемый как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе». Учёный напрямую связывает хронотопоу литературного произведения с его жанровой природой. «Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причём в литературе ведущим началом в хронотопе является время», – пишет исследователь [3:234].

М.М.Бахтин вводит и обосновывает понятие «биографическое время», понимаемое как определяющая категория в организации важнейшего типа художественного освоения времени и пространства – жанра биографии. Специфика реализации этой категории просматривается учёным на материале античного романа: именно на античной почве завершилось оформление основных форм пространственно-временного единства.

Данная статья ставит перед собой цель показать специфику пространственно-временной организации рассказа Ю.Нагибина «От письма до письма», входящего в цикл новелл, посвящённых жизни известных писателей прошлого и опубликованных автором под названием «Вечные спутники». В качестве теоретической базы в работе используется концепция, разработанная М.М.Бахтиным.

Жанрообразующая доминанта, объединяющая научные, популярные, академические и художественные биографические тексты, – фактический материал, на основе которого даётся картина жизни человека, развитие его личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи. Время и место числятся как реально существующие или существовавшие в прошлом. Авторский комментарий, вынесенный в начало произведения сразу же вступает в полемику с традицией: писатель утверждает возможность вариаций как в «мире веско материальном», так и в «духовной сфере». В качестве иллюстрации Нагибин приводит факт не литературной, реальной действительности: «В Болдино посетители показывают пушкинскую усадьбу с тщательно обставленным барским домом, конторой, службами, парком. При этом не скрывают, что обстановка собрана по признаку типичности для помещичьего быта средней

руки тех давних лет, что парка вообще не было. Но это не мешает тысячам людей благовенно взирать на призрачно вычисленный пушкинский мир и чувствовать своё сближение с великой тенью» [2:181].

Ю.Нагибин отказывается от пространственно-временной условности: пространство и время предельно конкретизировано. Кроме того, привлекается фактический материал, работающий на восприятие описываемого как реально происходившего в прошлом: «Уезжая в конце августа 1830 года из Москвы в Болгарию, Пушкин отправил Петру Александровичу Плетнёву... печальнейшее письмо: «Сейчас еду в Нижний, т.е. в Лукоянов, в село Болдино...»» [2:181]. Однако писатель утверждает своё право на «вариативность» в событийной плоскости: «Я предлагаю свой вариант случившегося, ничуть не менее допустимый, чем вариант пушкинского быта, воплощаемый в мемориале, Болдино» [2:181].

Такая установка писателя на множественность интерпретаций, «вариативность» может быть рассмотрена как элемент постмодернистской поэтики с её ориентацией на концепции «виртуальной реальности», «возможных миров» и «альтернативной истории».

М.М.Бахтин выделяет два типа построения античной биографии: энергетический и аналитический. В основе первого типа лежит изображение человеческой жизни (БЮОГА) не путём аналитического перечисления характерологических свойств человека и объединения их в твёрдый образ, а путём изображения поступков, речей и других проявлений и выражений человека. Время энергетического типа биографий линейно (в классическом варианте – это жизнь человека с момента его рождения и до смерти), это время раскрытия характера, но не время становления и роста человека; путь раскрытия характера ведёт только к выполнению той формы, которая была предначертана с самого начала, но не к изменению и становлению самого характера.

Тип аналитической биографии основывается на схеме с определёнными рубриками, по которым и распределяется весь биографический материал: общественная жизнь, семейная жизнь, отношения к друзьям и т.д. Различные черты и свойства характера подбираются из различных и равномерных событий и случаев жизни героя и разносятся по указанным рубрикам.

В рамках современной литературы невозможна реализация ни одной из классических биографических схем в чистом виде. Интересным представляется анализ реликтовых форм, позволяющих обнаружить в биографических произведениях современной литературы ти-

пологические схождения с текстами – биографиями доклассической поры, поры формирования ведущих литературных жанров.

С точки зрения хронотопической организации структура рассказа «От письма до письма» представляет собой результат контаминации структурных элементов «энергетической» и «аналитической» античных биографий.

Объект повествования в рассказе – Болдинская осень 1830 года, один из наиболее значительных периодов в творческой биографии Пушкина, отличающийся особой плодотворностью. Линейная структура временной организации чётко закрепляется на лексическом и композиционном уровнях текста: рассказ начинается письмом Пушкина к Плетнёву, содержащее известие о намерениях поэта посетить родовое имение, завершается рассказ отъездом Пушкина, размышляющего о преимуществах болдинской жизни.

В рамках этого отрезка жизненного пути раскрывается характер поэта: в основе принципов изображения характера лежит схема «энергетического» типа биографии. Сама действительность, в которой совершается раскрытие характера, служит лишь средой, даёт поводы для проявления характера в поступках и словах, но лишена определяющего влияния на сам характер, не формирует, не создаёт его, а лишь актуализирует. Вот как описана сцена первой встречи поэта с крестьянской девушкой, музой болдинской поры, Февроньей: «Он ждал отпора, девушка была сильной, но её готовность, торопливая покорность опередили его. Все это уже было. Издалека наплыло жалкое пуганное лицо Ольги Калашниковой. Потом Ольга полюбила его, так ему во всяком случае, казалось, но в первое, страшное для девушки свидание ею двигала лишь тупая подчиненность барину, втемьяшенная в слабую голову, наказаниями Арины Родионовны. Он не хотел повторения. Не разумом, сама плоть воспротивилась этому. Повторение было неизбежно» [2:197].

Реализация биографической инвариантности аналитического типа прослеживается в стремлении Нагибина показать Пушкина во всех его возможных ипостасях: Пушкин и друзья, Пушкин и декабристы, Пушкин на отдыхе (пристрастие к верховой езде), Пушкин в быту, Пушкин и канцелярщина и т.д. Центральное место в системе сюжетосложения занимает тема творчества (это закономерно вытекает из самой системы хронотопической организации – болдинский период творческого подъёма). И хотя на уровне композиции такое деление на рубрики никак не прочитывается (как это было в античной биографии этого типа), смысловой, содержательный уровень текста даёт очень чёткое представление о тематической раздробленности, упорядоченной многоплановости нагибинского рассказа. Нами были рассмотрены так называемые «объемлющие» хронотопы, пространственно-временные образы, которые в определениях Бахтина, организуют целостность литературного произведения. Но каждый такой хронотоп может включать в себя неограниченное количество мелких хронотопов, между которыми наблюдаются сложные, специфические взаимоотношения. Мы предполагаем, рассмотреть в качестве таких элементов пространственно-временной структуры произведения три, на наш взгляд наиболее репрезентативные для данного рассказа пространственно-временные характеристики: это пространственный образ «пасеки», а также тради-

ционные хронотопические мотивы «дороги» и «осени».

Пушкинский образ – мотив «дороги» разработан в русле традиции. «Дорога» – это всегда судьба, жизненный путь человека. Хронотоп «дороги» в рассказе определяет характер отношений Пушкина и декабристов, объясняет, хоть и традиционно в плане однозначности суждений, причины неприсоединения поэта к знаменитому восстанию: Пушкину изначально была предназначена другая миссия, миссия великого поэта, «национального гения»: «От Владимира они взяли направо к Мурому. Прямоком было быстрее, но Пушкину не терпелось расстаться с «дорогой в одну сторону», как называли владимирский трактат, с тех пор как Россия разжилась Сибирью... Этой дорогой шли несчастные осуждённые на каторгу, в ссылку и переселенцы. Этой дорогой шли декабристы... И он вздохнул свободнее, когда проклятая Владимирка скрылась из глаз» [2:183].

Хронотопический образ «осени» в рассказе, как и в рамках всего пушкинского творчества «дороги», реализует прямо противоположное традиционному значение. Традиционная символика хронологии сводится к движению от весеннего и летнего расцвета к осенней грусти, что характерно, например, для мира тургеневской прозы. Для Пушкина – это всегда время душевного подъёма, плодотворного творчества и необычайного здоровья. «... Осень подходит. Это любимое моё время – здоровье моё обыкновенно крепнет – пора моих литературных трудов настанет...» – из письма Плетнёву [2:181].

Особый интерес представляет образ «пасеки», который может быть рассмотрен как центральный, смежно-образующий, пространственный ориентир в общей системе пространственно-временной организации рассказа. Сдвиг в настроениях поэта, необычайная продуктивность его литературной деятельности в Болдино напрямую связывается Нагибиным со встречей Пушкина с крестьянской девушкой Февроньей, болдинской любви поэта. Она, эта «красивая, рослая простолудинка» дала возможность поэту ощутить вновь давно утраченное чувство свободы, покоя, счастья. Их встречи проходили в сторожке пасечника, среди бесконечных пчелиных ульев.

В мифо-поэтической традиции образ пчелы неразрывно связан с мотивами бессмертия и поэтического вдохновения. В мифологических системах различных народов под так называемым «методом поэзии» понимается священный напиток, амброзия, пища богов и бессмертных творцов. Таким образом, в рамках анализа рассказа актуализируется архетипическое значение хронотопического образа «пасеки».

Таким образом, пространственно-временная организация произведения может быть рассмотрена как сложная, многоуровневая система. Мы выделили хронотопы 3-х уровней:

1. Уровень, авторского отношения к времени и месту описываемых событий;
2. Уровень хронотопики, определяющий жанровое единство;
3. Уровень конкретных, лексически закреплённых в тексте «хронотопических» мотивов.

Хронотопическая организация любого произведения намного сложнее представленного – мы лишь пытались обозначить основные моменты и системно описать их.

Литература

1. Нагибин Ю.М. Собрание сочинений: В 4-х томах. Т.4., -М.: 1981.
2. Холопова В.Ф. Парадокс любви: новеллистика Нагибина. -М.: 1990.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. -М.: 1975.
4. Драгомирецкая Н.В. Автор и герой в русской литературе XIX-XX вв. -М.: 2001.
5. Аксаков К.С. Литературная критика. -М.: 1998.
6. Горбунов А.П. Поэтика публицистического текста. -М.: 1978.
7. Моруа А. Современная биография. // Прометей, 1968 Т.5.

РЕЗЮМЕ. Ушбу мақолада Юрий Нагибиннинг «Хатдан хатгача» кассасининг хронотопик ташкил этилишининг асосий нукталари ва уларнинг тавсифи келтирилган.

РЕЗЮМЕ. В данной статье обозначены основные моменты хронотопической организации новеллы Юрия Нагибина «От письма до письма» и их описание.

SUMMARY. This article highlights the main points of the chronotopic organization of Yuri Nagibin's novella «From Letter to Letter» and their description.

ASL NUSXA VA TARJIMA O'RTASIDAGI TAFOVUTLAR

F.D.Sapayeva – *filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori, professor*
Ajiniyoz nomidagi Nukus davlat pedagogika instituti

Tayanch so'zlar: she'r, tarjimon, tarjima, she'riy takror, bayt va band, ma'no, shakl va mazmun, so'z, tarjima qilish, matn, shoir, Maxtumquli, turkman tili, o'zbek tili.

Ключевые слова: стихотворение, переводчик, перевод, поэтическое повторение, строфа и пункт, смысл, форма и содержание, слово, текст, поэт, Махтумкули, туркменский язык, узбекский язык.

Key words: poem, translator, translation, poetic repetition, verse and clause, meaning, form and content, word, text, poet, Makhtumkuli, the Turkmen language, the Uzbek language.

Asl nusxa va tarjima o'rtasidagi asosiy tafovutlar, avvalo, iki til o'rtasidagi farqlarda namoyon bo'ladi. Ba'zi so'zlar bir tilda boshqa ma'noda, ikkinchi tilda boshqa ma'noda kelishi mumkin. Bir tilda ijobiy mazmunda qo'llanadigan so'z boshqa tilda salbiy ma'no bildirishi mumkin, deb bu tafovutlarni ming yil burun Abu Rayhon Beruniy ham ko'rsatib ketgan edi. Chunonchi, tarjima mashunos Zuhridin Isomiddinovning yozishicha, *jo'ra so'zi o'zbeklarda erkaklarga nisbatan qo'llansa, turkmanchada u dugona ma'nosida keladi*. Yoki *olchoq so'zi bizda muttaham, pastkash, ablah kimsani bildirsa, turkmanchada xushfe'l, ko'ngli ochiq kishini anglatadi*. Qirg'izchada esa qatiqni ayron deyishadi [1:157-159]. *Qizg'anmoq – o'zbekchada qizg'anish, tatarchada rahm qilish; yurt – o'zbekchada xalq, o'lka, jamoat, vatan, tatarchada o'y fikr, quyma – o'zbekchada holva, tatarchada devor; qir – o'zbekchada tepa, yaylov, tatarchada chet, qirra va hokazo*. Binobarin, o'zaro o'xshashligiga ishonib, bu so'zlarni shundoqqina o'zbek tiliga ko'chirib qo'yib bo'lmaydi.

Bir tilda ko'p ma'noli bo'lgan so'z boshqa tilda faqat bir ma'noni bildirishi mumkin yoki aksincha. Bu tarjimada ma'noning torayishi yoki kengayishiga olib keladi.

Sinonimlar – ma'nodosh so'zlar ham har bir tilning boyligi. Masalan, *“Boburnoma”da “o'ldi” so'zi 27 xil ifodalangan ekan: o'ldi, vafot etdi, dunyodan o'tdi, shunqor bo'ldi, shahodat sharbatini ichdi, juvonmarg bo'ldi, boqiy dunyoga rixlat qildi, bu dunyoi foniyni tark etdi, jon qushi tan qafasini tark etdi, ajal sharbatini ichdi, jonini jabborga topshirdi va hokazo*. Bu so'zning dunyodagi biror tilda shuncha ko'p ma'nodoshlari bo'lmasa kerak.

“Boburnoma”ning ellikdan ortiq sahifasida “g'arib” so'zi kelib, turli-tuman ma'no ifodalagan. Ingliz mutarjimlari asar tarjimasida g'arib ma'nosidagi 35 ta so'z va iboradan foydalanishgan [2:11-12].

L.Tolstoyning “Anna Karenina” romani tarjimasida M.Ismoilov *сепеуе сжалос* so'zini bir yerda *yuragi dukurlab ura boshladi*, boshqa bir yerda esa *yuragi suyunganidan o'ynab ketdi* deb tarjima qiladi. Chunki birinchi o'rinda u – shubha, ikkinchisida esa – quvonch ma'nosida kelgan. Yoki: *Куда глаза глядят* iborasi esa *boshi oqqan tomonga* deb tarjima qilinadi. “Ikki lisoniy sistemani chog'ishtirish bilan quyidagi natijalarga erishish mumkin: a) ikki tilning qaysi axborot vositalarini taxminan ekvivalent hisoblash bo'lishi; b) asl nusxa tilida mavjud bo'lgan qanday axborot vositalarining tarjima tilida mavjud emasligi; v) asl nusxa tilida mavjud bo'lmagan qanday axborot vositalari tarjima tilida mavjudligi” [3:50]. Ba'zi tillarda u yoki bu narsa, hodisa, unsur, a'zoni bildiradigan so'zlar bo'lmaydi. Har qanday ikki tilning grammatik qurilishi o'rtasida ham muayyan tafovutlar bo'ladi. Albatta, yaqin tillar bundan mustasno. Lekin o'zaro uzoq tillar ham ba'zan uslubiy tuzilishi jihatidan mushtarak bo'lishi mumkin. Masalan, ruschadan o'zbekchaga tarjimada gapning oxiridan oldinga qarab kelinadi. Holbuki, tojikchaga tarjimada buning aksi, ya'ni rus va tojik tillarida jumla tuzish qolipi

deyarli o'xshash. Bunga tillardagi uslubiy va grammatik tafovutlar sabab bo'ladi.

Tarjimaning muhim muammolaridan biri bu turli tillardagi frazeologizmlar (maqol, matal, idioma) tarjimasidir. K.Chukovskiy iloji boricha maqollarni so'zma-so'z tarjima qilishga intilish kerakligini aytadi. Chunki “ularda xalqning tug'ma xususiyati, fikrlashning milliy uslubi o'z ifodasini topgan bo'ladi”. “Biroq, – deb yozadi G'.Salomov, – boshqa tillarda shunday maqol va matallar ham borki, ulardan kelib chiqadigan hikmat hijjalab qilinadigan tarjima ichidagi so'zlarda o'z in'ikosini topmaydi. Ana shunday maqol va matallar juda ko'pdir. Shunday qilib, boshqa tillardagi ko'plab maqol, matal va idiomalarda aks etgan hikmatni ularning ona tilimizdagi muqobillari bilan almashtirish vositasidagina ro'yobga chiqarish mumkin” [4:244]. Ma'lum bo'ladiki, tarjimaning lisoniy (lingvistik) muammosi faqat ikki tilni bilish bilan chegaralansa, g'ayrilisoniy muammolari nihoyatda ko'p ekan: bu – ikki adabiyot, ikki madaniyat, ikki tarix, ikki xalqning turmush tarzi, urf-odatlar, diniy e'tiqodi va marosimlari...

Bundan tashqari, ilmiy tarjimada turli ilmlardan, publitsistik tarjimada kechayotgan voqealardan, badiiy tarjimada adabiy-estetik qonuniyatlardan xabardor bo'lish taqozo qilinadi. Sof ilmiy asarlar va rasmiy uslubdagi hujjatlarni nazardan soqit qilganda, aksar matnlar turli darajadagi uslubiy bo'yoqqa ega bo'ladi, ularda his-hayajon, kinoya piching, turli so'z o'yinlari, nozik ishoralar aks etadi. Badiiy adabiyot-ku obrazli iboralar, badiiy san'atlar, uslubiy bo'yoqlar asosida ish ko'radi, unda so'zlar ming bir ma'noda tovlanadi, ko'pincha so'zlar o'z lug'aviy ma'nosida kelmaydi...

Ko'rinadiki, tarjima – oson ish emas, tarjimonlik – mashaqqatli kasb. Mutarjim faqat tilni bilibgina qolmay, tarix, falsafa, estetika, adabiyot, dinlar, urf-odatlar kabi ko'pdan-ko'p narsalarni ham bilishi kerak.

Aynan tarjimonning chuqur bilimi, keng dunyoqarashi, katta hayotiy tajribasi tarjimaning muvaffaqiyatini ta'minlaydigan asosiy omil hisoblanadi. Xalq tabiati, jonli tilini yaxshi biladigan tarjimon tarjima asarining hayotiyli, xalqchilligi, tushunarligini oshirish uchun lug'atlarda yo'q so'zlar, iboralarni izlab topadi. Bu uning til sohasidagi ijodkorligidir.

Muallif va mutarjimning ruhan yaqinligi, hamfikrligi, uslublarining mushtarakligi esa har qanday tarjimaning chinakam yutug'i hisoblanadi. Buni tarjimashunoslikda “muallif va mutarjim yulduzining bir-biriga to'g'ri kelishi” deyiladi. Bunday ijodiy muvofiqlik natijasida bunyod etilgan tarjimalar bizda ko'p. Masalan, Maxtumquli asarlari tarjimalari, Alisher Navoiy asarlari tarjimalari, E.Vohidov tarjimasidagi Gyotening “Faust”i va S.Yesenin she'rleri, A.Oripov tarjimasidagi Dante ning “Ilohiy komediyasi”, Q.Quliyevning “Hayrat” she'ri, A.Qahhor tarjimasidagi Chexov hikoyalari, M.Kenjabek tarjimasidagi Pushkinning “Yevgeniy Onegin” romani, Xurshid tarjimasidagi Hofiz Sheroziy g'azallari, Sh.Shomuhamedov tarjimasidagi Xayyom ruboiylari, Mirtemirning ko'plab tarjimalari va boshqalar.